

«НОВЫЕ» ПУТИ, ВЕДУЩИЕ НЕ ВПЕРЕД, А ВСПЯТЬ

(О КНИГЕ В. И. НАЗАРОВА «УЧЕНИЕ О МАКРОЭВОЛЮЦИИ. НА ПУТЯХ К НОВОМУ СИНТЕЗУ»).

М.: Наука, 1991.— 287 с.

Одно из крупнейших достижений биологии нашего столетия — это создание синтетической теории эволюции, развивающей основные положения дарвинизма в свете современной генетики. Теория эта — плод трудов выдающихся ученых — эволюционистов ряда стран и получила почти единодушное признание биологов всего мира. В. И. Назаров задался целью опровергнуть эту теорию в своей книге, безапелляционно заявляя (с. 258), что «имеющаяся совокупность данных, говорящих против синтетической теории, явно перевешивает противоположные свидетельства».

Согласно синтетической теории как микроэволюция (происходящая в популяциях), так и макроэволюция (т. е. видообразование и возникновение более крупных категорий) протекают по единой универсальной схеме: предпосылкой эволюции служат наследственные (генотипические) изменения и их сочетания, а движущая сила эволюции — это естественный отбор. При этом признается, что темпы эволюции у разных организмов различны: у одних она идет очень медленно, так что организм остается почти неизменным в течение бесчисленных поколений и длительных отрезков времени, а другие эволюционируют относительно быстро. Эти различия определяются условиями существования и генетическими особенностями организмов.

В книге В. И. Назарова красной нитью проходит мысль, что макроэволюция происходит быстро, крупными скачками, между тем как микроэволюция протекает очень медленно и постепенно. Он стремится убедить читателя, что «уровни микро- и макроэволюции, по-видимому, четко разграничены, и происходящие в них процессы управляются совершенно различными факторами» (с. 250).

В этой рецензии я, будучи генетиком, не стану обсуждать приводимых В. И. Назаровым данных палеонтологии, сравнительной анатомии и систематики, которые, по его мнению, якобы доказывают, что в понимании эволюции правы пунктуалисты, а не градуалисты (хотя здесь у него, по моему мнению, немало натяжек, как и в оценке высказываний разных авторов, писавших на эту тему). Ограничусь рассмотрением того, как освещает В. И. Назаров центральный в теории эволюции вопрос об ее движущих силах. Его он неоднократно затрагивает на протяжении всей книги и особенно подробно излагает свои взгляды по этому вопросу в ее заключительной главе.

В. И. Назаров пишет (с. 250): «Вариационная и динамическая изменчивость» (так он именуется то, что в генетике называется модификациями.— С. Г.) «отличается от мутационной тем, что порождаемые ими изменения могут быть массовыми, наследуемыми не по законам Менделя, их легко индуцировать обычными факторами среды (например, температурой). Представляется видеть в реализации этих форм изменчивости механизм, позволяющий подвести научную основу под законы наследования Ламарка».

Таким образом, В. И. Назаров решительно выступает против одного из важнейших положений современной генетики, неопровержимо доказавшей многочисленными исследованиями, что модификации не передаются по наследству. Наследуются лишь изменения, произошедшие в генетическом аппарате организма, его хромосомах и лежащих в них генах.

Представление о наследовании модификаций (или, как раньше говорили, наследовании приобретенных признаков), давно отвергнутое наукой, взял на свое вооружение Т. Д. Лысенко. В годы, когда он безраздельно властвовал в нашей биологии, его нелепые рекомендации, основанные на убеждении о наследовании модификаций, в приказном порядке вводились в колхозах и совхозах, чем нанесли огромный вред нашему сельскому хозяйству.

Для подкрепления приведенного выше утверждения о наследуемости модификаций В. И. Назаров пишет: «Речь идет... о селективных процессах в геноме (в том числе избыточной ДНК), создающих видимость наследования по Ламарку» (с. 250). Он явно имеет в виду развиваемую сейчас некоторыми молекулярными биологами концепцию молекулярного драйва, важной составной частью которого является представление об избыточной («эгоистичной») ДНК. Я хорошо знаком с этими работами и с полной ответственностью могу сказать, что ни малейшего намека на наследование модификаций в них нет и в помине.

Завершает свое наступление на синтетическую теорию эволюции В. И. Назаров заявлением, что «в курсе новой эволюционной теории рядом с именем Дарвина будут стоять имена Кювье, Ламарка, Де Фриза и Гольдшмидта».

Абсурдность этого сопоставления становится очевидной, если вспомнить, что главные положения дарвинизма вошли составной частью в современную синтетическую теорию эволюции; взгляды же Кювье, Ламарка, Де Фриза и Гольдшмидта давно опровергнуты наукой и сейчас представляют только историческую ценность. В самом деле, Кювье говорил, что виды постоянны и неизменны, а смена фаун в геологической истории Земли объясняется тем, что время от времени происходили катастрофы, уничтожающие все живое, а потом на место погибших видов приходили новые виды «из других мест». Ламарк считал, что виды изменяются и это определяется общей тенденцией организмов к совершенствованию («градацией»), движущей силой которой является изначальное, заложенное Творцом стремление природы к прогрессу. Де Фриз утверждал, что новые виды в совсем готовой форме возникают скачками в потомстве отдельных особей, причем периоды мутаций сменяются длительными, в 4000 лет, периодами существования вида без изменений. Гольдшмидт полагал, что новые типы организации появляются в результате редких «системных» мутаций, дающих «многообещающих уродов», что приводит к гораздо более резким изменениям, чем могут дать микроэволюционные процессы.

Напрасно В. И. Назаров так легкомысленно равняет значение работ этих ученых для теории эволюции с ролью учения Дарвина, коренным образом ее преобразовавшего.

С. Гершензон

В. И. ЛЫСЕНКО. ГУСЕОБРАЗНЫЕ.

ФАУНА УКРАИНЫ.— Т. 5. ПТИЦЫ. ВЫП. 3.

Киев: Наук. думка, 1991.— 208 с.

На территории Украины, лишь в Причерноморье и в Приазовье, ежегодно сосредотачивается почти 1 млн. особей гусеобразных птиц. Здесь же на зимовку собираются птицы из Западной Сибири, Европейского Севера, Северного Казахстана и др. В сравнении с Сибирью или Средней Азией масштабы урбанизации и плотность населения на Украине выше, с чем связана необходимость решать сложные проблемы рационального использования дичи. Понятно, что серьезный фаунистический анализ, проведенный В. И. Лысенко, является фундаментом любых изысканий на эту тему, а они стареют очень медленно или не стареют вообще. Этот комплекс проблем обойден вниманием автора монографии, поэтому работа содержит множество отступлений, отличающих ее от сводок так называемого классического, традиционного стиля. В частности, ареалы видов проанализированы столь широко, а особенности их биологии описаны в каждом из видовых очерков столь подробно, что создается впечатление, будто на эту тему в библиотеках совершенно не осталось литературы. Однако в завершающей части тома нет никаких соображений о реальном составе авифауны гусеобразных, тем более, что автор уже взял на себя смелость ревизии структуры отдельных таксонов и их эволюционного развития. Непонятно также, какую долю в населении гидрофильных птиц Украины вообще составляют гусеобразные.

Увлечение всеобщностью привело к тому, что при чтении книги возникает ощущение отсутствия темы Украины. В очерках нет информации о статусе и характере